

РУКОПИСНАЯ КНИГА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РАН
БИБЛИОТЕКА РАН
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН
АРХИВ РАН

ИСТОРИЯ ПИСЬМА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ответственный редактор чл.-корр. РАН А. В. Сиренов

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. Е. Жуков, М. В. Корогодина, В. Г. Подковырова

РУКОПИСНАЯ КНИГА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ И АЛЬБОМ РУКОПИСЕЙ БАН

Ответственный редактор *М. В. Корогодина*

Санкт-Петербург
2023

*Исследование и издание выполнены при финансовой поддержке
Министерства науки и образования РФ, проект № 075-15-2020-786
«История письма европейской цивилизации».*

Рецензенты

к.ф.н. А. Л. ЛИФШИЦ
д.и.н. А. А. РОМАНОВА

Жуков А. Е., Корогодина М. В., Подковырова В. Г. Рукописная книга в восточнославянских землях: Палеографические очерки и альбом рукописей БАН / отв. ред. М. В. Корогодина. СПб.: Альянс-Архео, 2023 (История письма европейской цивилизации). — 600 с., ил.

ISBN 978-5-988742-13-5

Фотографии А. Г. Сергеева

Настоящее издание является одним из томов серии «История письма европейской цивилизации». Книга охватывает историю письма в славянских землях от возникновения кириллицы и глаголицы до конца XVII века. Исследование выполнено на материале рукописных книг, хранящихся в Библиотеке Российской академии наук, и сосредоточено преимущественно на восточнославянских землях. В книге рассматриваются вопросы эволюции устава и полуустава, возникновения скорописи, связи между печатной и рукописной книгой, своеобразия рукописных традиций Московского государства и Речи Посполитой. К исследованию прилагается аннотированный альбом, в котором содержатся описания 131 рукописной книги и около 300 иллюстраций.

Издание рассчитано на филологов, историков и всех интересующихся историей славянских земель. Книга может быть использована как учебный материал в высшей и средней школе.

ISBN 978-5-988742-13-5

© Жуков А. Е., Корогодина М. В.,
Подковырова В. Г., Сергеев А. Г.
© Библиотека Российской академии наук
© Издательство Альянс-Архео

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Корогодина М. В.).....	7
Славянская кириллическая письменность в XI–XVI веках (Жуков А. Е.)	
Истоки славянской письменности: глаголица	17
Возникновение и развитие устава в русских и южнославянских землях	19
Возникновение делопроизводственного письма и его влияние на каллиграфию руко- писных книг	25
Русский полуустав и его графические особенности	29
Второе южнославянское влияние и русская каллиграфия	32
Справочный аппарат в восточнославянских рукописях XIV – середины XVII века (Корогодина М. В.)	
Инициалы и организация текста на листе	43
Развитие справочного аппарата и второе южнославянское влияние	44
Справочный аппарат и параллельные чтения в книгах Священного Писания	46
Система нумерации в Библии Матфея Десятого	49
Указатели в восточнославянской традиции	52
Варьирование почерков в восточнославянских рукописях XV–XVII веков (Корогодина М. В.)	
Почерк записей	55
Варьирование почерков внутри кодекса	58
Тип письма и жанр текста	61
Новые явления в русской книжной культуре XV–XVI веков (Жуков А. Е.)	
Изменения в традициях орнаментального оформления рукописей в восточнославян- ских землях	65
Изменения в способах организации текста. Колоризация как прием оформления книги	67

Возникновение книгопечатания. Влияние рукописной книги на ранние славянские кириллические издания	70

Изменчивый XVII век (Подковырова В. Г.)

Рукописный текст в окружении печатных книг	76
«Благоукрашенная» книга: декор в рукописях	81
В поисках утраченного устава	92
Полуулав: между печатным шрифтом и скорописью	95
Скоропись XVII века: по направлению к Новому времени	104
«Письмена» и прописи в рукописных учебниках	110

Рукописи Великого княжества Литовского, Королевства Польского и Речи Посполитой XV–XVII веков (Корогодина М. В.)

История поступления в БАН собраний с рутенскими рукописями	120
Литургический устав в рукописях XV–XVI веков	127
Почерк и язык: книжный или обиходный полуулав и церковнославянский язык или «простая мова»	131
Палеографические особенности грамот и летописных текстов	136
Книжная скоропись	142
Книжные центры и орнаментика	147
Заключение (Корогодина М. В.)	160
Альбом рукописей БАН	165
Литература	573
Конкордация шифров	594
Указатель шифров рукописей	595
Список сокращений	598
Учреждения	598
Собрания рукописей и старопечатных книг	599

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание является одним из томов серии исследований по истории письма и посвящено палеографическим и орнаментальным особенностям восточнославянской рукописной книги до конца XVII в., затрагивая ранние общеславянские глаголические и кириллические памятники лишь в той мере, в какой они помогают понять истоки более поздней традиции. Восточнославянская книжная культура, являясь частью *Slavia Orthodoxa*, требует отдельного изучения, поскольку письменные культуры южных и восточных славян, испытывая влияние друг друга, во многом развивались самостоятельно. На смену активным контактам приходили долгие периоды закрытости: вслед за монгольским нашествием, падением Византийской империи и приходом на Балканы Османской империи наступали периоды упадка в национальной культуре, приводившие к резкому снижению влияния одной традиции на другую.

В восточнославянском регионе, обладавшем культурной и религиозной общностью в первые века после принятия христианства, уже к XIII веку формируются политически независимые объединения, предвестники будущих государств. Великое княжество Литовское, Новгородская и Псковская республики, северо-восточные княжества — несмотря на разность в политических устремлениях и региональные различия в культуре, эти земли были объединены Киевской митрополией. Единство церкви вплоть до XV столетия определяло общие тенденции в развитии книжной культуры как в репертуаре текстов, так и в письме и оформлении книг. Разрыв церковной общности ускорил расхождение в развитии культуры. Это позволяет на примере рукописной книги как наблюдать, так и проследивать общие явления, характерные для всех восточнославянских земель, так и проследивать появление индивидуальных черт, подобно тому, как Г. И. Вздорнов показал общие и индивидуальные особенности книжных центров Северо-Восточной Руси при исследовании декора рукописной книги [Вздорнов 1980]. Широкий охват исследования, включающего целиком восточнославянский регион, позволяет выделить те неповторимые черты в книжности и в письме разных земель, которые определили формирование национальной культуры и языка современных государств: России, Украины, Беларуси. Смена государственных образований, объединение и присоединение новых территорий, завоевание и подчинение завоевателям — все это непосредственно отражалось на развитии письменной традиции. Сосуществование двух языков: церковнославянского и обиходного древнерусского (а в землях Великого княжества Литовского и позже Речи Посполитой соседство с латинским, польским и еврейским языками); проникновение с XV века канцелярского письма в книжную культуру; влияние украинской и белорусской культуры на русскую в XVII столетии и, напротив, ориентация на московское православие в той среде, которая сопротивлялась переходу в греко-католичество в Речи Посполитой, — эти и многие другие процессы приводили к изменениям в письме и облике рукописной книги.

Основное внимание в исследовании сосредоточено на нетекстовой части рукописных книг: выборе писцовой манеры, смене типа письма, стиле украшений и использовании справочного аппарата. При этом изучение восточнославянских рукописей имеет столь давнюю традицию, что изложить все наблюдения, касающиеся многовековой истории письменности, в нескольких очерках было бы невозможно. Настоящее исследование ставит перед собой более скромную задачу: на материале рукописей Библиотеки Российской академии наук (БАН) показать отдельные явления, связанные с рукописной книгой. Это позволяет наиболее полно представить славянские рукописи, хранящиеся в БАН, и привлечь внимание к замечательным писцам и шедеврам рукопис-

ной книги, которые остаются малоизвестными или совсем неизвестными современным исследователям. До недавнего времени лишь отдельные изображения из рукописей БАН воспроизводились в исследованиях по рукописной книге, а также в каталогах выставок российских и зарубежных музеев, но не было издано ни одного альбома, целиком посвященного рукописям БАН. В наибольшей степени изображения из фондов БАН представлены в описаниях рукописей последних лет, сопровождающихся иллюстративным материалом [Лебедева 2003; Описание РО БАН. Т. 10. Вып. 2; Описание рукописей XIV в. БАН; Описание рукописей XV в. БАН. Вып. 1; Подносные экземпляры 2022]. Однако такие описания рукописей представляют собой тематические или хронологические каталоги и не могут заменить альбом, который охватывал бы фонды БАН в целом. Толчком к подготовке палеографического альбома, опирающегося на рукописи БАН и сопровождающего исследование, стала выставка «История письма от Византии до старообрядцев», состоявшаяся в БАН в 2022 г. в рамках проекта «История письма европейской цивилизации». Исследование, в основе которого лежат рукописи, представленные на выставке, позволяет также обратиться к истории формирования и изучения коллекций библиотеки. Такое исследование является данью памяти предшествующим поколениям ученых, трудившихся в Отделе рукописей БАН, и в некоторой степени продолжает традицию изучения истории рукописных фондов БАН через описание наиболее значимых памятников, как это было сделано в середине XX столетия [Исторический очерк РО БАН. Вып. 1–2].

Исследование изменений в письменности и культуре, опирающееся на фонды одного хранилища, несомненно, не может быть полным, сколь бы богатым ни было хранилище. Неполнота картины заставила ограничиться в исследовательской части очерками, чтобы показать наиболее важные явления, которые можно продемонстрировать на материале рукописей БАН. В отличие от иных библиотек и музеев, вобравших в себя крупнейшие исторически сложившиеся собрания рукописной и старопечатной книги (подобно Российской национальной библиотеке, в которой находятся библиотеки Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей; Российской государственной библиотеке, вобравшей книжное собрание Троице-Сергиевой Лавры; или Государственного исторического музея, сохранившего патриаршую книжную сокровищницу), БАН хранит мало книжных собраний, отражающих деятельность крупных книгописных центров. Исключением служит библиотека Антониево-Сийского монастыря, основная часть которой сохранилась в Архангельском собрании БАН, а также собрание Александро-Свирского монастыря, в которое в основном входят кодексы XVIII–XIX вв., и книжное наследие некоторых старообрядческих скрипториев XIX–XX вв. Это связано прежде всего с особенностью формирования рукописных фондов БАН, которые в XVIII–XIX вв. предназначались для ученых занятий и пополнялись не цельными исторически сложившимися книжными собраниями, а отдельными экземплярами, ценными с исторической и лингвистической точки зрения. В XX в. рукописные фонды в значительной степени формировались за счет собраний коллекционеров и археографических экспедиций, обеспечивших поступление богатых старообрядческих собраний. Исследование книжных центров XV–XVII вв., преемственность в освоении почерков и сопоставление письма учителя и учеников в книгописной школе, соотношение оформления книг и писцовых манер в центре и на периферии — все эти направления являются важнейшими для современных исследований, однако в настоящем труде они затронуты в малой степени и, как правило, не выделены в особые разделы, поскольку фонды БАН дают мало материала для подобного всестороннего исследования.

Стремление показать изменения в письме и характерные черты в оформлении и почерке рукописных книг на протяжении нескольких столетий привело к тому,

что для исследования и палеографического альбома были выбраны не только шедевры книжного искусства, но и невзрачные, «рядовые» рукописи, написанные неустойчивыми, некаллиграфическими почерками. Роскошные кодексы, принадлежащие перу искуснейших мастеров, украшенные миниатюрами и заставками тончайшей работы, неизменно в наибольшей степени привлекают внимание исследователей, поскольку являются вершинами книжного искусства своего времени. Однако все они относятся к одному типу книг — выполненным на заказ богато декорированным кодексам. Как бы прекрасны они ни были, невозможно только на их основе составить представление о почерках того или иного периода и об изменениях в письме. Такие изменения чаще проявляются в неустойчивых почерках обычных писцов, работавших за невысокую плату или без особого старания переписывавших книги для собственных нужд. Поставленная в исследовании задача заставляет обратиться не только к шедеврам книжного искусства (часто уже хорошо известным), но и к кодексам, которые до сих пор мало привлекали внимание, переписанным корявым почерком, с примитивными инициалами и неказистыми заставками. Одной из целей исследования было выяснить, как развиваются профессиональные и обиходные почерки, отличны или сходны процессы изменения в письме мастеров книжного искусства и людей, не обучавшихся каллиграфии.

В ходе исследования также встал вопрос о терминах, используемых для характеристики почерков. С одной стороны, терминология — лишь инструмент, который позволяет исследователям понимать друг друга. С другой стороны, именно терминология является той линзой, которая преломляет общую картину, позволяя автору показать объект изучения под определенным углом; поэтому термины наиболее часто подвержены влиянию идеологии. Терминология, описывающая типы почерков, на протяжении долгого времени казалась давно сложившейся и непоколебимой; для славянских рукописей она включала деление на три основных типа почерка: устав, полуустав и скоропись. Однако эти понятия неоднократно подвергались серьезной критике¹: термин «устав», который большинством исследователей понимается как указание на древнейший тип славянского письма до конца XIV в., восходящий к греческому унциалу, применяется также по отношению к существенно более поздним рукописям XV–XVII столетий [Левочкин 1983; Велинова и др. 2019: 112–114]. Понятие «полуустав» вызывает возражения, поскольку сам термин появился в рукописях не ранее 30-х гг. XVII в. и имеет расплывчатое значение, основанное на сопоставлении с уставом: мелкое либо не вполне грамотное письмо [Moštin 1965]. Термин «скоропись» также неточен, поскольку создает ложное впечатление обязательного ускорения письма [Быстрова 2011]. Это привело к предложениям пересмотреть эти термины, заменив их на «книжное», «метное» и «обычное» письмо [Ляховицкий 2019; Цыпкин 2019; Цыпкин 2022].

Сознавая несовершенство традиционной терминологии, касающейся типов письма, в данном исследовании мы сохраняем привычные наименования почерков, поскольку они позволяют структурировать материал и избежать обстоятельных объяснений и уточнений, что кроется за новыми понятиями. Именно эта терминология неизменно используется в описаниях рукописных книг и является актуальной для археографов-практиков, как было показано Л. В. Мошковой [Велинова и др. 2019: 109–110]. Трехчастная градация на устав — полуустав — скоропись не дает возможности характеризовать особенности почерков, но в большинстве случаев позволяет читателю с легкостью понимать, какой тип почерка подразумевается автором.

Настоящее издание делится на две части: исследование или палеографические очерки, и альбом, в котором на примере рукописей БАН показаны важнейшие изменения в письме. Первый очерк в исследовательской части охватывает период до XVI столетия. Обзор восточнославянской рукописной традиции невозможно начинать, не

1 Подробнее вопросы терминологии славянского письма рассмотрены в томе «История письма от античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике» в разделах «Древнерусское уставное и полууставное письмо: терминологические проблемы» и «Делопроизводственная скоропись как канцелярское письмо».

обратившись к ее истокам: древнейшим глаголическим и кириллическим памятникам, представленным в БАН фрагментами XI–XII вв. Общеславянская традиция служила не только сокровищницей текстов, сохранявшихся в восточнославянских землях, но и образцом письма. Стремление показать истоки восточнославянской традиции заставили составителей настоящего издания включить в исследование и альбом древнейшие памятники, предвещающие становление восточнославянской рукописной книги. Сопоставление письма древнейших восточнославянских рукописей со старшими общеславянскими глаголическими и кириллическими памятниками позволяет проследить изменения, происходившие в уставе — типе письма, характерном для пергаменных рукописей.

Распространение книг наряду с развитием делопроизводства привело в XIV в. к появлению и распространению нового типа письма — «русского полуустава», изучение которого тесно связано с исследованием письма актов и грамот. Возникновение и дальнейшее развитие как полуустава, так и скорописи во многом связано с южнославянскими землями и привлекает внимание к традициям, далеким от восточнославянских рукописей. Вопросы, относящиеся к становлению скорописи, побуждают вслед за предшествующими исследователями обратиться к почеркам делопроизводственных документов из различных балканских канцелярий [Ильинский 1911; Лавров 1914; Мошин 1973: 64]. Со вторым южнославянским влиянием проникают не только новые переводы и новая орфография, но и новый тип почерка — так называемый «южнославянский полуулав», постепенно вытеснивший «русский полуулав». Изучение этого процесса также заставляет сравнивать южнославянские образцы письма с восточнославянскими. Такой путь сопоставлений позволяет показать источник изменений, происходивших в восточнославянской письменной традиции.

В отдельный очерк выделено исследование изменений в справочном аппарате, происходивших в XV – начале XVI в. Основное внимание уделено системе колонтитулов, появлению разметки на полях в виде номеров глав и кратких заглавий, указаний на параллельные чтения, созданию указателей внутри книги. Использование развитой системы нумерации позволяло писцам делать взаимные отсылки от одного текста к другому, формировать оглавления и указатели. Некоторые из этих явлений уже достаточно хорошо изучены, как, например, система оглавлений, особенно связанных со Священным Писанием и аппаратом Евфалия и Евстафия [Ромодановская 2010; Ромодановская 2014; Пентковская 2022]. Это позволило в настоящем исследовании сосредоточиться на неизвестных сюжетах, например, на использовании Матфеем Десятым оригинальных систем нумерации и счета в апостольских посланиях. Исследование не касается вопросов, связанных с формированием библиографических перечней и указателей, но посвящено организации текста на листе, структурированию и рубрикации его внутри книги, помогавшей читателю ориентироваться в тексте, поскольку эти вопросы связаны с палеографией и оформлением книги. Особое значение имеет изучение указателей внутри рукописей, которые под влиянием печатной книги снабжаются ссылками на номера листов.

Еще один очерк посвящен исследованию варьирования почерков в кириллической традиции. В текстах разного статуса писцы использовали буквы разных регистров для выделения текста или разные манеры письма, в том числе торжественное и бытовое письмо. Это явление известно как в греческой рукописной традиции, так и в древнейших славянских памятниках [Уханова 2007; Уханова 2022: 683]. Особое развитие варьирование почерков получило с XV в., когда в восточнославянской письменности, помимо устава, появились и получили развитие другие типы почерков: «русский» и «южнославянский» полуулав, книжная и делопроизводственная скоропись, «поп-герасимово» письмо, грецизированные и лигатурные начертания. Профессиональный писец, владеющий разными манерами письма, выбирал тип почерка в зависимости от

жанра текста, языка, назначения книги, ее формата и статуса. Сопоставление кодексов, переписанных одним писцом, показывает, что писцовая манера зависела от того, предназначалась ли книга для литургического или келейного использования, была ли подготовлена на заказ или переписана для себя. Сосуществование разных языков (церковнославянского и просторечного) внутри православной традиции также подталкивало к использованию разных типов письма, заставляя писцов маркировать текст с помощью почерка.

В особом очерке рассмотрены изменения, происходившие в оформлении текста на протяжении XV–XVI вв., в том числе появление и развитие новых художественных стилей при декорировании рукописей. Орнамент, выбор украшений для заставок и инициалов, как правило, определялся самим писцом. Это позволяет рассматривать орнаментику как часть палеографических особенностей рукописи. Учитывая, что изучение тератологического, балканского, неовизантийского и старопечатного орнамента далеко выходит за пределы палеографических наблюдений над оформлением рукописных книг, в данном труде авторы ограничились кратким обзором художественных стилей оформления. Особого внимания заслуживает использование разных пигментов не только в орнаменте, но и в письме. Традиции колоризации или выделения текста пигментами разного цвета существенно различались в зависимости от региона. В данном очерке основной акцент сделан на новшествах, появляющихся в восточнославянской письменности в XVI столетии, в том числе значительное внимание уделено сопоставлению графики печатных шрифтов первых типографов, работавших в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском, а также в Московском государстве. Тесная связь рукописной и печатной книги, взаимное влияние шрифтов печатных изданий и рукописей позволяет проследить изменения в графике печатных шрифтов.

В предшествующих очерках рассматривались процессы протяженностью в два-три столетия, поскольку определить четкие хронологические границы некоторых явлений в письме невозможно; однако следующий раздел построен по иному принципу — хронологическому. В XVII столетии с широким распространением печатной книги и резким изменением объема делопроизводства, оказавшим значительное влияние на палеографические особенности рукописной книги, в книгописании происходят новые изменения. Своеобразие этого периода заставляет рассматривать его отдельно. Помимо исследования влияния печатной книги на изменение почерков, оформление рукописей и особенности орнаментики в кодексах XVII в., в данном разделе изучается использование различных типов письма: устава, полуустава и скорописи. На пороге Нового времени эти типы письма претерпевают значительные изменения, а представления писцов о связи почерка с типом книги оказываются во многом размыты. Наряду с рукописями, создававшимися на заказ или для вклада, появляется особый тип роскошно оформленной книги: подносные экземпляры, приносившиеся в дар членам царской семьи и влиятельным лицам. В то же время, именно в XVII в. происходит резкий скачок в объеме книгописания, и среди рукописей начинают преобладать книги, переписанные обиходным письмом, выполненные для собственных нужд или продававшиеся по низкой цене. Это приводит к значительному росту количества книг, подготовленных непрофессиональными писцами, что отражается как на их письме, так и на языке. Также в очерке значительное внимание уделено учебным материалам Нового времени: азбукам-прописям и учебникам, предназначенным для обучения письму. Этот необычный материал позволяет увидеть учителя и ученика в процессе освоения навыков письма, показывая не готовую книгу — результат трудов профессионального книжника или начинающего писца, — а те образцы, на которые должны были ориентироваться мастера.

В изложенном выше материале авторы опирались преимущественно на традицию северо-восточных и северо-западных земель, объединенных к XVI столетию в Московское государство. В заключительном очерке показаны некоторые характерные черты кириллических рукописей, созданных в Великом княжестве Литовском, Королевстве Польском и, позднее, в Речи Посполитой. Очерк предваряется обзором рукописных собраний БАН, в которых можно найти рукописные книги, происходящие из Речи Посполитой. Книгописание, сформировавшееся в пределах двух государств: Московского и Литовского великих княжеств, в которых культурные, языковые и религиозные традиции значительно различались, — обладало тем своеобразием, которое часто позволяет исследователям безошибочно различать созданные в них рукописи не только по языку, но и по почерку. Данный очерк нарушает общую хронологическую последовательность изложения материала; он посвящен особой рукописной традиции, отличия которой от письменности северо-восточных земель со временем только усиливались. Это объясняется тем, что значительная часть западных княжеств Киевской Руси с XIII в. была объединена в самостоятельное государственное образование — Великое княжество Литовское, которое наибольшую близость проявляло с Королевством Польским. С 1386 г., после заключения Кревской унии, эти два государства находились под властью одного правителя. После раскола Киевской митрополии в середине XV столетия в Великом княжестве Литовском и восточных землях Королевства Польского действовал самостоятельный Киевский митрополит. Единство польского и литовского государств было закреплено Люблинской унией в 1569 г., когда Великое княжество Литовское и Королевство Польское объединились в Речь Посполитую.

Таким образом, исследование опирается на кириллическую рукописную традицию, существовавшую в Великом княжестве Литовском и Королевстве Польском, политическое и культурное развитие которых было во многом синхронизировано. Несмотря на проницаемость государственных границ для культурных контактов между Московским государством и Великим княжеством Литовским, именно границы во многом определяли своеобразие традиции. Упор на исследование кириллических рукописей, созданных в пределах Великого княжества Литовского и Королевства Польского, позволяет привлечь к изучению не только те кодексы, которые принципиально отличаются от созданных в Московском государстве, например, написанные на «простой мове» — языке, не имевшем хождения в Московии, — но и рукописи, созданные внутри церковно-славянской традиции, общей для всех славянских земель. Как было неоднократно показано предшествующими исследователями, на восточнославянских землях постоянно использовались, по крайней мере, два языка: церковнославянский и народный, который выполнял роль литературного в текстах определенного жанра; разная функциональная нагрузка языков позволила Б. А. Успенскому говорить о диглоссии, то есть существовании «высокого» и «низкого» языков [Успенский 1983; Успенский 1989; Успенский 2002: 23–32]. Если в северо-восточных и северо-западных землях преобладала диглоссия (церковнославянский и древнерусский язык) с редкими вкраплениями иноязычных слов и фраз на греческом, анбуре (пермском языке), иврите и некоторых иных языках, то в Великом княжестве Литовском постоянно имели хождение несколько языков, имевших различные функции: церковнославянский, «простая мова», польский и латинский, не считая пассивного использования греческого, иврита, сербского и чешского [Темчин 2012; Темчин 2020]. Польский и латинский языки не были кириллическими, поэтому в рамках настоящего исследования рассматриваются только рукописи, написанные на церковнославянском языке и «простой мове».

Задача этой части исследования — показать своеобразие рукописной традиции: почерков и оформления рукописных книг Великого княжества Литовского

и Королевства Польского с учетом общности православного исповедания и литургического церковнославянского языка на всей восточнославянской территории. Методически задача усложняется выбором терминологии для обозначения рукописной традиции этих государств. После трех разделов Речи Посполитой в последней четверти XVIII в., присоединения к Российской империи белорусских, украинских и части польских территорий и формирования западных губерний, проблема взаимоотношения наречий, имевших хождение в разных восточнославянских регионах, стала живо занимать умы исследователей. Наряду с множеством иных терминов, с середины XIX в. для народного языка, бытовавшего в Великом княжестве Литовском, был предложен термин «западнорусский», впервые употребленный в 1855 г. И. Д. Беляевым и поддержанный М. О. Кояловичем (1864), одним из основателей и идеологов «западнорусизма» [Мякишев 2008а; Мякишев 2008б: 13–14]. С самого начала своего бытования термин был тесно связан с идеологически окрашенными теориями, предполагавшими, что население Речи Посполитой — прежде всего белорусы — является «ополяченной» частью русского народа. Именно этот термин возобладал над остальными и был принят ведущими славистами конца XIX — начала XX в., в том числе Е. Ф. Карским, А. И. Соболевским, А. А. Шахматовым и иными. Благодаря им термин прочно вошел в лексикон не только славистов, но и археографов и был перенесен с языка Великого княжества Литовского и Речи Посполитой на рукописную традицию.

В последние десятилетия терминология, употребляющаяся по отношению к народному языку Речи Посполитой, существенно изменилась, и в нее снова вошли как национально ориентированные термины, так и нейтральные, восходящие к самоназваниям языка: староукраинский и старобелорусский язык, «руський» язык, «руська» и «проста» мова, рутенский язык. Однако в археографии по-прежнему доминирует термин «западнорусский», в том числе по отношению к рукописям на церковнославянском языке, имеющим выраженные диалектные особенности народного языка Речи Посполитой. Этот термин не может не вызывать возражений: помимо своей идеологической окраски, он привязан к языку и не может характеризовать церковнославянскую традицию, в которой рукописи далеко не всегда имели диалектные черты. Между тем, сохранение «правильной» литургической традиции, не допускавшей диалектных элементов в церковнославянском языке, было одной из важных черт книжной и церковной культуры Великого княжества Литовского, Королевства Польского и Речи Посполитой.

Исследуя рукописную традицию Речи Посполитой, мы опираемся не на особенности языка, а на происхождение кодексов. Необходимость охватить всю совокупность рукописной традиции, происходящей из названных выше государств, заставляет нас использовать иной термин — «рутенские» рукописи, подразумевая под ним не только тексты, написанные на «простой мове» или с ее элементами, но все кириллические рукописи Речи Посполитой и вошедших в нее государств. Термин является производным от Ruthenia — названия Великого княжества Литовского в западных хрониках с XII в. Термин «рутенский» имеет широкое распространение и употребляется как для обозначения народного языка Речи Посполитой, так и в археографии, для указания на происхождение рукописей или на тип почерка [Taube 2005; Verkholantsev 2008; Ерусалимский 2017; Cîcîniene et al. 2017; Грищенко 2018; Бунатиру 2021; Новак 2022; и мн. др.]. Не настаивая на том, что он является оптимальным, в данной работе мы будем опираться на него, как наиболее аутентичный, для обозначения кириллических рукописей, написанных на разных языках и наречиях и происходящих из Великого княжества Литовского, Королевства Польского и Речи Посполитой.

Наиболее значительную часть настоящего издания занимает альбом рукописей БАН, в котором представлены образцы почерка и орнаментики 131 кодек-

са, легшего в основу исследования. Последовательность рукописей в альбоме преимущественно соответствует порядку, в котором рукописи упоминаются в исследовании. Это позволяет при знакомстве с альбомом следить за развитием тех тенденций, о которых пишут авторы в очерках. В исследовательской части на полях в квадратных скобках обозначены номера рукописей, включенных в альбом, как это было сделано в издании Г. И. Вздорнова [Вздорнов 1980], что позволяет быстро находить нужную рукопись в альбоме. В тех случаях, когда рукопись служит важным исследовательским материалом при анализе различных явлений в письме, номер рукописи повторяется на полях, хотя и не дублируется при каждом упоминании кодекса.

Каждая рукопись в альбоме представлена одним или несколькими изображениями, демонстрирующими те явления, о которых говорится в исследовании, или показывающими ее декор. Размер изображений соответствует оригиналу; лишь в некоторых, специально оговоренных случаях рукопись воспроизводится в уменьшенном виде. Этим воспроизведение в альбоме отличается от исследовательской части книги, в которой размер иллюстраций не обязательно соответствует оригиналу.

В альбоме изображения предваряются кратким описанием кодекса, в котором в сжатом виде дана самая необходимая информация о рукописи: ее название и шифр, датировка, формат и размер, количество листов, языковой извод, а также время и источник поступления книги в БАН. В тех случаях, когда рукопись была известна в публикациях под старым шифром, он приводится в скобках рядом с действующей сигнатурой; при этом основным шифром является тот, который указывает на принадлежность кодекса собранию какого-либо коллекционера и находится вне круглых скобок². Краткость описания не позволяет приводить обоснование датировки, которая для пергаменных рукописей опирается на палеографические данные (прежде всего на выводы предшествующих исследователей, работы которых перечислены в списке литературы), а для бумажных рукописей — на изучение водяных знаков, хотя ссылки на филигранные не приводятся в описании.

Характеристика языкового извода указывает, в какой языковой среде создавался тот или иной кодекс. Настоящее исследование не является лингвистическим и не преследует цель решить непростые задачи, связанные с формированием национальных языков или степенью проникновения в текст диалектных форм и иноязычных слов. Постоянные изменения в языке ставят непростые задачи перед исследователями: часто язык не указывает ни на национальную принадлежность, ни на регион написания кодекса. Примером служат рукописи XV в., подготовленные русскими писцами, скрупулезно следовавшими «правильной» тырновской орфографии, наподобие Евангелия Мемнона книгописца или рукописей инока Серапиона [Турилов 2012в; Левшина 2013]. Особую трудность в определении языка представляют сочинения XVII столетия, например, труды Симеона Полоцкого, в которых церковнославянские формы смешаны с русскими, белорусскими, польскими и латинскими словами. Гибридный письменный язык, сочетавший церковнославянскую основу с конструкциями народного языка [Живов 2017. Т. 1: 231–240], невозможно в полной мере охарактеризовать в двух-трех словах в описании рукописи. По этой причине наименование языка или языкового извода, особенно для памятников на гибридном письменном языке XVII в., призвано, в первую очередь, указать на языковую среду, в которой создавался текст или был написан кодекс.

Поскольку основная часть средневековых восточнославянских рукописей написана на церковнославянском языке, авторы стремились дать указания на языковой извод, опираясь на разработанную ранее терминологию с трехчастным делением изводов [Жуковская 1973]. С этой целью для текстов на церковнославянском языке указывается языковой извод: сербский, среднеболгарский и древнерусский (для рукописей

2 Старые «шкафные» шифры по Основному собранию рукописей БАН на протяжении XX – начала XXI в. были заменены на шифры по коллекционерским собраниям, выделенным из Основного собрания. Об изменениях в шифрах рукописей БАН см. [Описание рукописей XIV в. БАН: 6]. Конкордация старых и новых шифров рукописей, привлеченных к данному исследованию, приведена в конце настоящего издания.

до конца XV в.) или русский (для рукописей с начала XVI в.). Хронологическая граница между древнерусским и русским изводом носит условный характер и отражает изменения в языке, происходившие в Новое время. При указании на языковой извод по умолчанию предполагается, что регион создания рукописи и языковой извод совпадают, то есть кодекс, переписанный на «среднеболгарском изводе церковнославянского языка», создан в Болгарии, а на «древнерусском изводе» — в Древней Руси или (в XIV–XV вв.) в северо-восточных или северо-западных землях. Если регион происхождения и языковой извод не совпадают, то в скобках указывается предполагаемый регион, например: «среднеболгарский извод (Молдавия)» или «древнерусский извод (Великое княжество Литовское)». Для рукописей, написанных на национальных языках, указывается соответствующий язык: древнерусский или русский, сербский, болгарский, молдавский и «простая мова».

Вслед за краткими сведениями о рукописи в описании находится наиболее важный для настоящего издания раздел, в котором дается палеографическая характеристика почерков, встречающихся в данной рукописи. Поскольку многие кодексы подробно рассмотрены в исследовательской части, авторы стремились не повторять свои наблюдения, а суммировать в описании важнейшие черты почерка каждой рукописной книги. С палеографическими характеристиками тесно связано описание декора, в том числе инициалов, вязи, заставок и миниатюр.

В описании воспроизводятся писцовые, вкладные и владельческие записи; в редких случаях, если записей слишком много или они чересчур пространны, авторы описаний пересказывали, а не приводили текст записей. Библиотечные пометы, пробы пера или отрывочные записи, не поддающиеся интерпретации, не воспроизводятся. Текст записей дан в упрощенной орфографии, гражданским шрифтом, с сохранением ъ, ь и ы во всех позициях и заменой остальных вышедших из употребления букв на современные. Титла раскрываются, выносные буквы спускаются в строку. Записи, как и характеристика переплета, преследуют цель показать историю создания и бытования кодекса. При этом записи, в том числе поздние, часто представляют собой ценный в палеографическом смысле материал, поэтому некоторые из них воспроизведены в альбоме.

Содержание книги имеет лишь относительное значение для изучения почерка в той мере, в какой манера письма проявляет зависимость от жанра и языка книги. По этой причине при характеристике содержания указаны только наиболее важные тексты, входящие в рукопись, без полистного описания содержания и, как правило, без цитирования заголовков и инципитов.

Список литературы, дополняющий описание, включает важнейшие исследования и каталоги, в которых описана или охарактеризована данная рукопись. В том случае, если кодекс вошел в один из каталогов, включающих полную библиографию, ссылки на перечисленные в каталоге исследования, за редкими исключениями, не приводятся. В списке литературы авторы стремились отдавать приоритет каталогам и новейшим исследованиям и изданиям, содержащим неизвестные ранее сведения о кодексе, и не ставили перед собой цель собрать полный перечень упоминаний рукописи.

Издание сопровождается указателем шифров рукописей, перечнем использованной литературы, а также указателем конкордации шифров и списком сокращений.

Исследование, легшее в основу палеографических очерков и альбома, было выполнено совместно А. Е. Жуковым, М. В. Корогодиной, В. Г. Подковыровой и А. Г. Сергеевым. Основная концепция книги, ее двухчастная структура, строение глав, форма описания рукописей для альбома были совместно выработаны и многократно обсуждались четырьмя участниками исследования. На заключительном этапе первыми тремя авторами были написаны палеографические очерки (авторство указано в оглавлении).

нии) и описания рукописей для альбома. В альбоме авторство указано в конце описания с помощью инициалов: А. Ж. — А. Е. Жуков (38 рукописей), М. К. — М. В. Корогодина (52 рукописи), В. П. — В. Г. Подковырова (40 рукописей), А. С. — А. Г. Сергеев (1 рукопись). Иллюстративный материал подготовлен А. Г. Сергеевым.

Авторы рады возможности выразить благодарность тем, кто помогал им в процессе исследования, а на заключительном этапе обсуждал, поправлял и дополнял написанное. Наибольший вклад в формирование издания внесли рецензенты: Александр Львович Лифшиц и Анастасия Анатольевна Романова. Их замечания, благожелательная критика и поправки позволили сделать структуру книги более стройной, а мысль — более ясной. Искреннюю благодарность авторы испытывают к своим коллегам в БАН: Л. Б. Беловой, М. Ю. Гордеевой, Ф. В. Панченко, О. С. Сапожниковой. Их заинтересованность в изучении рукописной книги и живость обсуждения принесли авторам немало пользы и позволили дополнить исследование теми материалами, которые иначе могли быть упущены. Предварительные результаты исследования были изложены в серии докладов и затронуты в статьях авторов данной книги; в обсуждении этих результатов принимали участие многие исследователи, мнение которых авторы стремились учесть при подготовке настоящего издания. Невозможно перечислить всех, с кем так или иначе обсуждались выводы, представленные в книге; но необходимо назвать нескольких коллег и друзей, безотказно помогавших советом на протяжении всего пути и делившихся своими знаниями, — без их постоянной помощи данное исследование и издание было бы значительно беднее: Е. К. Братчикова, Ж. Л. Левшина, Е. А. Мишина, А. В. Сиренов, С. Ю. Темчин. Один из авторов, В. Г. Подковырова, выражает особую благодарность своей дочери А. В. Подковыровой за постоянную поддержку и помощь в работе.